

Барбара Уокер

Максимилиан ВОЛОШИН

и русский
литературный
кружок

Культура и выживание
в эпоху революции

**Барбара Уокер
Максимилиан Волошин
и русский литературный
кружок. Культура и
выживание в эпоху революции**
Серия ««Современная
западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68362982

*Максимилиан Волошин и русский литературный кружок: Культура и выживание в эпоху революции / Барбара Уокер; [пер. с англ. И. Буровой].: Academic Studies Press / Библиороссика; Максимилиан Волошин и русский литературный кружок: Культура и выживание в эпоху революции / Барбара Уокер; [пер. с англ. И. Буровой].; 2022
ISBN 978-5-907532-17-5*

Аннотация

Рассматривая феномен литературного кружка, особого понятия, свойственного интеллектуальной и культурной жизни России XIX и начала XX века, Барбара Уокер пристально изучает фигуру Максимилиана Волошина, который, не будучи поэтом и

художником первого ряда, известен и любим представителями российской образованной элиты за вклад, внесенный им во внутреннюю культурную историю русской интеллигенции в важнейший период ее развития, то есть в организацию, систему ценностей и самооценку социальной группы. В книге поднимается ряд взаимосвязанных вопросов, относящихся к культуре и обществу литературной интеллигенции – вопросов, прежде всего связанных с общественной организацией, – рассматриваемых сквозь призму биографии.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
От автора	9
Введение в трех частях	13
Максимилиан Волошин и его кружок	13
Культура русского литературного кружка между структурой и антиструктурой	26
Проблема литературных кружков и попытки решить ее за счет лидерства	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Барбара Уокер
Максимилиан Волошин
и русский литературный
кружок. Культура
и выживание в
эпоху революции**

*Моим родителям, Ирме и Мэку Уокерам,
посвящается*

*Стремления человека должны превышать
достижимое, иначе зачем нужен рай?
Роберт Браунинг. Андреа дель Сарто*

Barbara Walker

Maximilian Voloshin and the Russian Literary Circle
Culture and Survival in Revolutionary Times

Indiana University Press
Bloomington / Indianapolis
2005

Перевод с английского Ирины Буровой

© Barbara Walker, text, 2005

© Indiana University Press, 2005

© И. И. Бурова, перевод с английского, 2021

© Оформление и макет, ООО «Библиороссика», 2022

Предисловие к русскому изданию

Мне особенно приятно, что у меня появилась возможность предложить русскоязычным читателям перевод моей книги «Максимилиан Волошин и русский литературный кружок. Культура и выживание во времена революции». В этот труд я вложила свою любовь к истории России и Советского Союза и попыталась показать в нем, как самые яркие мечты российской дореволюционной интеллигенции встраивались в политическую и экономическую систему Советского Союза. Их мечты о справедливости, гуманности и красоте пережили советскую эпоху и сейчас живут на пространстве бывшего СССР, оставаясь путеводной звездой для многих жителей этого региона, которые стремятся сделать свою жизнь как можно лучше, надеясь создать как можно более прекрасный мир для своих детей и следующих поколений. Однажды Мартин Лютер Кинг произнес ставшие знаменитыми слова: «...дуга нравственной вселенной длинна, но она склоняется к справедливости».

За этот перевод я хочу выразить благодарность преданному своему делу и внимательным редакторам и сотрудникам «Академик стадиз пресс» Ксении Тверьянович, Ирине Знаешевой, Ивану Белецкому и Марии Вальдерраме. Отдельное спасибо Ирине Буровой за выполненный ею вдумчивый, изящный перевод этого текста. В качестве спонсоров этого

проекта выступили вице-президент по научным исследованиям и инновациям Университета Невады, Рино; Колледж свободных искусств Университета Невады, Рино; и Фонд Нобля исторического факультета Университета Невады, Рино.

Рино, Невада, 2021.

От автора

По мнению некоторых, авторские предисловия стали слишком длинными и служат способом не столько выражения признательности за помощь, оказанную коллегами, сколько определения места, занимаемого автором в системе профессиональных связей. Безусловно, в этом есть доля истины. Но даже в этом случае я хочу выразить свою искреннюю, глубокую благодарность тем многочисленным учреждениям и людям, которые помогли мне довести этот проект до конца. Разумеется, ответственность за любые допущенные в нем ошибки в фактах или их истолковании лежит исключительно на мне.

К числу этих учреждений относятся: Совет международных научных исследований и обменов; Американский совет преподавателей русского языка и литературы; исторический факультет, Высшая школа имени Горация Рекхема и Центр женского образования Мичиганского университета; Гуверовский институт войны, революции и мира; Фонд Джона и Мэри Ноубл для поддержки исторических исследований, исторический факультет Университета Невады, Рино; Колледж свободных искусств Университета Невады, Рино; и офис вице-президента Университета Невады по научной работе, Рино.

Я получила возможность апробировать свой материал и

идеи на историческом факультете Мичиганского университета; в рамках Программы мирных исследований Корнелльского университета; на посвященном факультетским исследованиям коллоквиуме на историческом факультете Университета Невады, Рино; в Американской ассоциации славянских исследований; в Ассоциации истории социальных наук; на конференции «Патронаж при социал-демократии и государственном социализме: сравнительное изучение послевоенной научной и творческой деятельности в Скандинавии и Восточной Европе», организованной Дьордем Питери в Норвежском университете технических и естественных наук; на конференции «Изобретение Советского Союза: язык, власть и репрезентация, 1917–1945», организованной Чой Чэттерджи и Карен Петроун в Университете Индианы, Блумингтон; в Гисенско-берклеевской мастерской «Культ личности в эпоху сталинизма: методы, опыт, значения», организованной Яном Плампером.

Среди читавших эту рукопись частично или полностью на разных стадиях ее готовности – мой научный руководитель и Doktormutter Джейн Бёрбэнк, Майкл Мейкин, Валери Кивельсон, Рут Бехар, Патрисия Тёрнер, Розамунд Бартлетт, Уолтер Пинтнер, Чой Чэтерджи, Дуглас Вейнер, Мэк Уокер, Ирма Уокер, Дуглас Джонс, Кристофер Хэмлин, Александр Шапошников, Дженет Рабинович, Джейн Лайл, Ребекка Толлен, Рита Бернхард, Дон Оллила и два любезных анонимных читателя из *Indiana University Press*. Выражаю особую

благодарность Ирине Паперно за ее щедрый интеллектуальный вклад в этот проект. А также большое спасибо Катерине Кларк, первой, кто познакомил меня и многих других с идеями антрополога Виктора Тёрнера в своей инновационной работе «Советский роман: история как ритуал», посвященной советским литературе и обществу. Очень многие помогали мне и при сборе исследовательского материала для осуществления этого проекта, и я не знаю всех поименно; могу лишь выразить глубокую признательность сотрудникам архива и администрации Дома-музея Максимилиана Волошина, Государственного архива Российской Федерации, Государственного литературного музея, Института мировой литературы, Архива Горького, Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Российского государственного архива литературы и искусства и Российского архива социально-политической истории за их доброе отношение и качественную организацию работы. Я также получила доступ к ряду личных архивов, в частности, к архиву Михаила Полонского и других, упомянутых далее. Спасибо всем тем, с кем я беседовала в процессе работы, в том числе Иде Наппельбаум, Михаилу Поливанову, Анастасии Поливановой, Мирели Шагинян, Андрею Борисовичу Трухачеву и Анастасии Цветаевой, за то, что щедро делились своими мыслями и уделяли мне время. Среди лиц, материалы бесед с которыми не вошли в эту книгу, но тем не менее произвели на меня сильное впечатление, были Нина Берберова, Ли-

дия Либединская, Лев Левин, Лев Горнунг, Вера Артисевич, Нина Федина и Юдис Коган. Константину Поливанову и его жене Ольге Поливановой известно, как сильно они помогали мне на каждом этапе этого пути – от приглашения к себе в дом одинокой и голодной магистрантки и предоставления мне копии неопубликованных воспоминаний деда Константина Поливанова о Волошине до помощи в получении фотографий, благодаря которым интеллектуальное впечатление от этой книги дополняется визуальным.

Однако более, чем кому бы то ни было, я обязана покойному Владимиру Купченко и его жене Розе Хрулевой. Ведущий российский специалист по Максимилиану Волошину, Купченко открыл, подготовил к печати и опубликовал множество, если не большинство, материалов о Волошине и его жизни, благодаря которым стала возможна эта книга; он лично снабдил меня как текстовыми, так и визуальными материалами, опубликованными и неопубликованными, а также оказывал помощь своими неоценимыми советами.

Дуг и Делия, вы – радость моей жизни. Как мне отблагодарить вас?

Рино, Невада, 2005.

Введение в трех частях

Максимилиан Волошин и его кружок

В течение всего дня можно наблюдать, как примерно в полутора километрах от городка по склону холма извивается тонкая цепочка паломников; в нерегулярном ритме крохотные черные фигурки то поднимаются вверх, то спускаются, то расходятся, то вновь соединяются. Если отправиться по этой тропе вслед за ними, она поведет вас вверх, к могиле Максимилиана Волошина – русского поэта, художника и культовой личности. Склон холма усыпан дикими цветами – приземистыми желтыми полевыми мальвами и бесконечно разнообразными крохотными голубыми и пурпурными цветами, но есть здесь и небольшие кочки, поросшие только травой; впрочем, если присмотреться, то можно увидеть в ней остатки стебельков сломанных или сорванных цветов. Последние шаги даются намного труднее, потому что подъем становится круче, и вы останавливаетесь, чтобы перевести дух и полюбоваться голубым блеском Черного моря, окинуть взглядом красноватые горы Карадага, а затем устремить взор на раскинувшийся внизу приморский городок Коктебель, где можно разглядеть крышу волошинского дома – который сам по себе является святыней, ежедневно притягива-

ющей к себе десятки посетителей. На вершине вы увидите небольшие группки задумчивых людей, рассыпавшиеся по узкому гребню горы: вот девушки фотографируют друг друга на память у большой каменной плиты, под которой покоятся Волошин и его жена; вот пара в неоновых красно-желто-оранжевых спортивных костюмах; а вот – бабушка с внучкой: бабушка в пестром старомодном домашнем платье и дешевых белых шлепанцах, а ее спутница, голенастый и непоседливый подросток, скромно одета в простую рубашку и шорты.

«Вот то, о чем ты мечтала!» – говорит своей подруге молодой человек в неоновой рубашке. И кладет желтую мальву поверх засохших полевых цветов, которыми усыпана могильная плита. Оба замирают на минуту, а затем отходят, чтобы обследовать опасный гребень холма. Высоко над ними стремительно носятся маленькие черно-белые пташки. Бабушка жестом приглашает внучку отдохнуть минутку на каменной скамье, установленной чуть ниже могилы, а затем они начинают спускаться по узкой тропинке, и бабушка то и дело сходит с нее, чтобы собрать растущую по краям душистую траву. Из лежащей далеко внизу долины долетают перекрывающие друг друга звуки пляжных дискотек – *эй, Макарена!* Падают несколько капель дождя. Когда же начинаете спуск вы, дождь усиливается, превращая тропинку в лоток с грязью, толстыми черными комками налипающей на обувь паломников. «Какая романтика!» – смеется одна из девушек,

соскребая ее о камень. А потом все они внезапно исчезают за пригорками и скальными выступами в нижней части холма, разбредаясь по разным тропинкам, сбегаящим к морю.

И пусть паломники пытаются скрыть смущенные улыбки – дань приступу постсоветского цинизма – они все равно приходят. Такую возможность предоставил им сам Волошин, пожелавший, чтобы его тело было погребено на вершине крутого холма, там, где он любил стоять, глядя на море. Думал ли он, что они будут тянуться сюда нескончаемой тонкой вереницей? Наверное, да. По крайней мере он надеялся на это, ибо он, хотя под конец жизни, конечно же, понимал, что не стал «вторым Пушкиным», как ему пророчили в детстве, приложил немало сил, чтобы запомниться как знаковая личность, оставившая след во времени, пространстве и истории той социальной группы, к которой принадлежал, – русской интеллигенции XX века. И в этом он преуспел, вопреки упорному противодействию советской власти, пытавшейся воспрепятствовать распространению славы о нем после его смерти в 1932 году. Эта слава распространялась долго и медленно, процесс начал набирать силу в 1950-е годы благодаря тонкой струйке организованных русской интеллигенцией поколения оттепели рассказов, вопросов, чтений и галерейных выставок, к середине 1980-х годов превратившейся в самый настоящий бурный поток книг и статей. К началу 1990-х годов известность Волошина – и его кружка друзей-интеллигентов – стала весьма широкой.

Если за пределами России он все еще малоизвестен даже среди интеллигенции и специалистов, то только потому, что мы, люди посторонние, не понимаем его мир должным образом. Наше внимание к русской интеллигенции – этой страстной, мятежной социальной группе, щедро вложившей свои таланты в литературу, политику, науки, музыку, изобразительное искусство – как правило, фокусируется на ее интеллектуальном, творческом и политическом вкладе в историю. В этом отношении Волошин, оставаясь второстепенным поэтом и художником, не удостоился всеобщего признания¹. Скорее он известен и любим представителями российской образованной элиты по причинам, которые для непосвященных остаются непонятными, прежде всего – за вклад, внесенный им во внутреннюю культурную историю русской интеллигенции в важнейший период ее развития, то есть в организацию, систему ценностей и самооценку социальной группы, которая упорно билась над этими аспектами своей истории на протяжении двух с лишним предшествующих столетий, но никогда так, как в годы перехода от имперского правле-

¹ По выражению одного из авторов воспоминаний, «его литературная деятельность была более блестящей, чем влиятельной, – о нем можно было бы сказать, как об одном из его любимцев – Вилье де Лиль-Адане: “Он был более знаменит, чем известен”. К этому необходимо добавить, что при всей ценности его литературного наследия (впрочем, известного немногим) он был еще интереснее и ценнее как человек – Человек с большой буквы, человек большого стиля» [Голлербах 1990: 504–505].

ния к советской власти². Только постижение этого главного факта позволит нам понять, почему люди нескончаемой вереницей тянутся на вершину холма, к его могиле. История культа Волошина неразрывно связана с историей формирования его примечательного общественного класса, в особенности одного из его сегментов – литературной интеллигенции, породившей литературную традицию, которая в XIX–XX веках стала предметом великой национальной гордости и пристального политического внимания³.

Таким образом, в этой книге речь пойдет в равной мере и о культуре и обществе русской интеллигенции, в первую очередь литературной интеллигенции, и о самом Волошине. Подчиненность структуры повествования событиям в жизни одного человека может побудить читателей воспринимать книгу как биографию, возможно, как литературную биогра-

² Анализ проблемы идентичности интеллигенции западными исследователями проводится в [Malia 1961; Confino 1972; Brower 1967; Wirtschafter 1997: 90–91; Burbank 1994: chap. 6].

³ При разделении интеллигенции на ряд более мелких групп используются такие термины, как научная интеллигенция, культурная интеллигенция (элитная группа, в которую входят те, кто внес вклад в национальную культуру и идеологию, создав памятники культуры), революционная интеллигенция, высшая интеллигенция и массовая интеллигенция, не говоря о литературной интеллигенции, представляющей собой подгруппу культурной интеллигенции. С точки зрения лингвистики часть этих терминов обсуждается в [Mueller 1971]. Как будет показано в данной книге, литературная интеллигенция, отличающаяся формой своей производительной деятельности, могла бы рассматриваться как тесно переплетающаяся с другими группами интеллигенции и в плане личных контактов, и в плане общего жизненного опыта.

фию, поскольку речь в ней идет о поэте. Однако это не так⁴. Скорее в ней поднимается ряд взаимосвязанных вопросов, относящихся к культуре и обществу литературной интеллигенции – вопросов, прежде всего связанных с общественной организацией, – рассматриваемых сквозь призму биографии. Тем самым в ней делается попытка поместить личность в гущу исторического процесса не за счет традиционного подхода к изображению «великого человека», при котором исторические свершения приписываются в первую очередь действиям могущественных вождей, но, скорее, в новой проблематизированной форме, учитывающей влияние общественных наук, в особенности антропологии, оказываемое на область профессиональной истории. Такой подход позволяет проследить отдельную культурную тему, которая периодически всплывает в пределах конкретного жизненного опыта и со временем выходит за них. Плоды такого подхода весьма достойны: это новое понимание истории русской литературной интеллигенции, которое наилучшим образом достигается с точки зрения отдельного личного опыта, и новая пища для размышлений и описаний места личности в истории – как субъекта культурноисторических сил, так и фактора, участвующего в их преобразовании⁵.

⁴ Одной из таких литературных биографий является [Купченко 1996].

⁵ Детальный анализ термина «агентность» приводится в [Ahearn 2001]. Одним из наиболее авторитетных антропологов, занимающихся вопросами агентности и культуры, является Шерри Ортнер. См. ее основополагающую статью [Ortner 1984] и более позднюю монографию [Ortner 1996], в которых она вводит поня-

Волошин как уникальная историческая личность и выдающийся человек особенно подходит на роль объекта подобного исследования. Он тонко подстраивался под свое окружение, быстро усваивал уроки, которые оно ему преподносило. В то же время он оказался выдающимся в своем роде социальным организатором, хитрым и умелым манипулятором своей культурой, мастерски управляющимся с ее микродинамикой. Эти личные качества позволили ему тонко чувствовать культурный пульс своего мира. Этот пульс, главное направление исследования в данной книге, можно было бы назвать «кружковой культурой»: характерным образцом поведения русской интеллигенции и мышления, связанного с участием в интеллигентском кружке как форме общественной организации.

Кружок был ключевым явлением русской интеллектуальной жизни с конца XVIII века и продолжал играть важную роль с наступлением советского периода истории, поскольку в эти годы представители русской образованной элиты объединялись в мелкие группы, деятельность которых была направлена на повышение интеллектуально-образовательного уровня и культурное развитие. Точное описание интеллигентского кружка с точки зрения социологии может оказаться сложной задачей: интеллигентские кружки широко ва-

тие «встроенной агентности» для объяснения того, как люди действуют в рамках культурных контекстов, чтобы изменить эти контексты. Это очень полезное понятие, которое в значительной степени перекликается с подходом к индивидуальной агентности, принятым в этой книге.

рыировались по форме и назначению, от неформальных собраний школьников или студентов до элитных аристократических салонов, от профессиональных и научных кружков до многих других, в том числе литературных, о которых в первую очередь пойдет речь в этой книге.

Сильно различаться могли даже такие группы, которые, казалось бы, имели одинаковые цели и структуру; ведь основополагающим качеством кружковой культуры была абсолютная идиосинкразия каждого кружка, поскольку он состоял из уникальных людей, связанных между собой личными отношениями. И все же их объединяли некоторые значительные общие темы, определенные тревоги, тоска, образ мышления и тип поведения, то и дело проявляющиеся в разные моменты времени в разных точках пространства, когда одновременно, когда нет, что позволяет говорить о них как об общественно-историческом явлении, достойном изучения.

Волошин вошел в историю этой культуры, в начале XX века создав свой собственный кружок на Крымском полуострове, на задворках Российской империи. Его кружок существовал в поселке Коктебель, ранее болгарской деревне, который в то время быстро превращался в приморский курорт, излюбленный новой русской образованной элитой. При создании своего кружка Волошин полагался на собственное развитое понимание значения и потенциалов кружковой культуры – как положительных, так и отрицательных

– в том виде, в котором он впервые постиг их в детстве, а затем – в ранней молодости, в кружках русских авангардистов конца XIX века. Когда летом все собирались в Коктебеле, он превращался в важнейшую эмоциональную и интеллектуальную гавань, убежище от преобладавшего в то время в литературных кругах авангардного движения – символизма, и способствовал воспитанию нового, более эклектичного поколения постсимволистов. К этому новому поколению принадлежали некоторые из наиболее ярких фигур в истории русской литературы XX века, такие как Марина Цветаева, Владислав Ходасевич и Осип Мандельштам, а также многие другие интеллектуалы, дипломированные специалисты и мастера искусств, от инженеров до балерин. В дореволюционный период коктебельский кружок пользовался большим успехом, предлагая своим участникам возможность провести летние каникулы в уютной обстановке, наполненной интеллектуальными играми, литературным, театральным и эмоциональным общением, в процессе которого формировались личности и завязывались отношения, продолжавшиеся в зимний период в Москве и Петербурге. К началу революции кружок обрел прочную репутацию. Однако его вклад в историю интеллигенции этим не ограничился. Он еще сильнее закрепился в сознании и истории интеллигенции благодаря тому, как Волошину удалось пронести дух своего кружка через обе революции 1917 года, кошмарные годы Гражданской войны (имевшей катастрофические

последствия для Крыма как последнего форпоста Белой армии) и возродить его в советский период.

В первые годы становления Советского государства Волошин, опираясь на популярность своего дореволюционного кружка, создал то, чему предстояло оказать реальное влияние на будущее интеллигенции при советской власти. В начале 1920-х годов он приглашал к себе на лето все больше советских писателей, лиц свободных профессий и других представителей интеллигенции, продолжая традицию интеллектуального общения, которой была обусловлена популярность его кружка в дореволюционный период. Однако эти интеллигенты были бедны, зачастую больны, они сильно пострадали во время войны и хозяйственной разрухи, и содержать их было дорого. Чтобы обеспечить экономическое выживание своего кружка, да и свое собственное, Волошин задумал интегрировать его в формирующуюся советскую систему бюрократизированного социального обеспечения и привилегий для элиты, предложив использовать свой дом в качестве официального места отдыха для русской интеллигенции, оплачиваемого советским государством. И это ему удалось. Его дача превратилась в своего рода ранний вариант дома отдыха – учреждение, которое вскоре стало спонсироваться Союзом советских писателей в качестве обычного дома творчества для литераторов⁶. Появление дома отды-

⁶ Первое описание дачи Волошина как дома отдыха было дано писателем-символистом Андреем Белым в написанной в 1934 году статье «Дом-музей М. А.

ха стало симптомом существенных исторических перемен в отношениях между русскими писателями и Советским государством. К концу сталинской эпохи пребывание в доме отдыха или другом подобном курортном учреждении превратилось для писателей в одно из звеньев огромной цепи социальных услуг и привилегий, которая обеспечивала их зависимость от Советского государства, возможно, ничуть не меньше, чем бич цензуры и страх⁷. За эти привилегии писатели расплачивались лояльностью, покорностью и поддержкой государства. Этим отношениям было суждено оказать заметное влияние на судьбу русской литературы при советской власти.

В том, что свою роль в этом процессе сыграл кружок Волошина, прибежище для некоторых из самых пылких творческих личностей в русской литературе XX века, заключается ирония – возможно, болезненная – истории русской интеллигенции. Такое развитие событий не было преднамеренным, и ответственность за него лежит не только на Волошине. В этот период другие представители русской литературной интеллигенции столь же деловито приспособливали различные кружки к формирующейся государственной бюрократии, не осознавая конечных последствий своих действий: они не ожидали, что государство, прочно удерживая литера-

Волошина». См. [Белый 1990: 509].

⁷ Подробно об этих привилегиях и социальных услугах см. [Garrard, Garrard 1990].

турный кружок в своих руках, упразднит его как форму организации постановлением 1932 года, направленным против кружков, и в 1934 году учредит Союз советских писателей в качестве единственного института российской литературной жизни⁸. Под давлением времени и неподвластных им сил эти интеллигенты просто следовали логике кружковой культуры: они пытались добиться наилучшего результата для себя и своих коллег, используя привычные для себя культурные инструменты в новых условиях, предлагаемых государством.

Между тем их действия актуализируют вопрос об агентности. Наблюдать энергичную борьбу этих писателей за место в советской системе — означает получить неожиданно сильное впечатление касательно способности писателей управлять собственной судьбой в первые годы советской власти, что идет вразрез с устоявшейся традицией воспоминаний и научных исследований, в которых в данный период становления советской власти русский литературный мир изображается беспомощным перед лицом государственного гнета⁹. И эта способность приносила им пользу. Как будет показано в книге, помимо реальных материальных преимуществ данной системы привилегий и социального обеспе-

⁸ Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 года. См. [Фогелевич 1936: 50].

⁹ См., например, [Eastman 1972; Read 1990: esp. 57–93]. О доводах в пользу того, что интеллигенция обладала более высокой агентностью, чем та, которая ей приписывалась, см. [Fitzpatrick 1992a].

чения, сделка, на которую они пошли, в известной степени также позволила им сохранить некоторые привычные черты кружковой культуры. Волошин перенес интеллектуальные и духовные ценности своего кружка в самое сердце советской системы, где они продолжали влиять на новое поколение интеллигенции 1950-1970-х годов – поколение оттепели, которое в конце концов обрушило Советское государство. Чтобы понять смысл этой истории, необходимо сначала обратиться к кружковой культуре как таковой.

Культура русского литературного кружка между структурой и антиструктурой

Одной из важнейших тем при изучении кружковой культуры является постоянная, живая взаимосвязь идентичности российских интеллигентских кругов как идеалистической, антиматериалистической и антииерархической формы человеческого сообщества и их потенциала одновременно служить гораздо более практическим целям профессионального и экономического развития, как личного, так и корпоративного. Взаимосвязь этих двух тенденций иногда доходила до напряженности, порой они поддерживали друг друга, но она всегда была присуща феномену кружка, с момента его зарождения и вплоть до его окончательного упразднения в советский период.

Чтобы понять эту взаимосвязь, нужно рассмотреть исходные условия появления интеллигентского кружка в широко распространенной русской социальной и общественной культуре сильных и жилистых личных политических и экономических связей, нерушимых цепочек оказания протекции и системы сложных, но всеохватных отношений взаимных обязательств и ответственности. Поведение, способствующее поддержанию такого общественного порядка, бы-

ло важным компонентом культуры русской элиты начиная как минимум со Средних веков, и в различных формах также проявлялось и во многих других слоях русского общества. Этот глубоко прагматичный по сути общественный порядок предполагал культивирование личных связей во имя физического выживания и экономического прогресса. В наши дни социологи и экономисты порой пренебрежительно называют такой тип культуры «корруптированным». Между тем он лежал в основе самой структуры политико-экономических отношений в России раннего Нового времени и императорского периода, прежде всего в основе отношений между Российским государством и обществом, которым оно стремилось управлять. Особую силу и отличие этому типу культуры придавали его корни, уходящие в глубь русских семейно-бытовых традиций, патриархальной власти и клановых отношений в правящей элите¹⁰. Также она была очень тесно связана с весьма специфической культурой коллективной ответственности, в Средневековье и раннее Новое время объединявшей русских в круги и цепи взаимопомощи и взаимной ответственности [Dewey, Kleimola 1970]. На протяжении всей ранней истории России эта семейно-коллективная культура взаимопомощи и протекции оказывала влияние на политические вопросы обязательств, прав, контроля

¹⁰ Об этом явлении в Средние века и раннее Новое время см., например, [Keenan 1986; Kollmann 1987; Kivelson 1996; Crummey 1983]. О нем же в имперский период см., например, [Meehan-Waters 1982; Ransel 1975; Rieber 1982; Hoch 1986].

и баланса, несмотря на предпринятые к началу XVIII века неимоверные усилия со стороны некоторых представителей государства, направленные на введение системы более объективных критериев.

Первоначально русская светская интеллектуальная жизнь была инспирирована и взлелеяна государством Российским и на ранних этапах своего существования находилась под мощным влиянием взаимозависимых отношений государства и общества, особенно – государства и общественной элиты. Петр Великий внедрил свойственный аристократии обычай отправлять некоторых отпрысков дворянских семейств в Западную Европу для получения европейского образования. Он также стал первым правителем России, спонсировавшим появление первых немногочисленных научных и образовательных учреждений. Он проводил эту политику в основном с целью укрепить функционирование своего нового государства, империи, за счет увеличения количества хорошо образованных, компетентных государственных служащих, как военных, так и гражданских. По этой же причине в органах управления государством он пытался противопоставить ценность личных заслуг протекционизму и семейным связям. В этом заключался смысл «Табели о рангах» – введенной им новой системы управления продвижением по службе военных и гражданских чиновников в соответствии с подробным квалификационным списком. Впрочем, историк России XVIII века Бренда Михан-Уотерс установила, что в

1730 году верхние строки «Табели о рангах», предположительно независимо от заслуг, занимали в основном представители определенных высокопоставленных семейств и кланов, и точно таким же образом более традиционные отношения оказывали большое влияние в новом мире образованной элиты [Meehan-Waters 1982]¹¹. В России XVIII века близкие к источникам политической власти первые учебные и научные заведения и организации могли серьезно страдать из-за практики личных связей и протекционизма в придворных и клановых кругах¹².

Под влиянием культурных, интеллектуальных и политических амбиций Екатерины Великой конец XVIII столетия стал эпохой возникновения оживленной новой литературной и интеллектуальной сферы¹³. Продолжая и развивая петровскую практику вестернизации российской элиты, побуждая ее читать книги, посещать литературные салоны и часто бывать в театре, Екатерина получила в свое распоряжение определенную критическую массу. Создав в 1783 году условия для относительно свободной печати и в значительной степени покровительствуя ей, она внесла большой вклад в развитие книгоиздательства, журналистики и других видов

¹¹ Влияние традиционной клановой и персонифицированной политики на правление Петра Великого подробно рассматривается в [Bushkovitch 2001].

¹² Пример влияния придворной политики на интеллектуальную жизнь приводится в [Black 1986].

¹³ Общая характеристика Екатерины Великой и расширения интеллектуальной сферы в период ее правления приводится в [de Madariaga 1981: 532–548].

литературной деятельности¹⁴. Однако, поощряя заимствование идей западного Просвещения разрастающимся новым миром русской печати, она все менее охотно мирилась с публичным применением этих идеалов к российской политике и обществу. Она довольно жестко, особенно после 1790 года, контролировала литературную и интеллектуальную сферу посредством самовластного правления и цензуры, а также используя возможности, открываемые покровительством.

В результате подобного гнета и противоречий, усиливаемых возрастающим количеством образованных людей, к концу века русская интеллигенция преисполнилась новым духом, который обычно связывают с появлением так называемой русской оппозиционной интеллигенции как социальной группы, резко критически настроенной по отношению к российскому государству и царящему в нем общественному порядку. Этот дух представлял собой смесь бунтарства и идеализма, отрицание того, что воспринималось как материалистическое, своекорыстное, бесспорно негуманных традиционных ценностей и общественных иерархий в пользу эгалитаризма, социальной справедливости, стремления к братству людей. Зараженные этим духом стремились к новой независимости от Российского государства и Двора, от контроля, который они осуществляли над их мыслями и поступками, а также к новым средствам самовыражения.

¹⁴ О развитии печати см. [Marker 1985]. Более подробные сведения о влиянии патронажа на литературную жизнь приводятся в [Jones 1984] и [Clardy 1967].

В основу этого нового оппозиционного настроения легло противостояние иерархии крепостничества, впервые подвергшейся неприкрытой критике в изданной в 1790 году знаменитой книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» [Радищев 1938]. Однако это настроение повлияло и на общественную организацию литературного и интеллектуального пейзажа начала XIX века. По мере того как русская интеллектуальная жизнь обретала все бóльшую независимость от государства благодаря различным новым организациям, таким как тайные общества, начинала складываться новая общественная формация, которая во многих отношениях стала средоточием новых настроений, идей и амбиций¹⁵. Отношения между членами этой новой общественной формации сильно отличались от прагматичных, своекорыстных и сервильных уз и протекционизма, лучше отражая новый дух братства. В идеале эти отношения были скорее эгалитарными, чем иерархическими, основанными на взаимной поддержке, а не на взаимной эксплуатации, коллективными в духовном, а не в экономическом смысле. Эта новая форма общения проявилась в том, что теперь представляют, когда речь идет о кружках русской интеллигенции: собраниях образованных, как правило, молодых людей, сблизившихся на почве общей одержимости идеями, зачастую – ли-

¹⁵ Если говорить о тайных обществах, то значительное влияние оказывали масоны со своими ложами. См. об этом в [Billington 1966: 242–259]. См. также [Пыпин 1885].

тературой, и бурных обсуждений насущных проблем. Не все кружки начала – середины XIX века обладали подобными качествами; в определенном смысле можно было бы утверждать, что как сами кружки образованной дворянской элиты, так и их идеалы были в равной степени и реальностью, и данью моде. Но такие кружки действительно существовали, и дух их был заразителен.

Одним из таких кружков стало «Дружеское литературное общество» 1801 года, подробно исследованное известным американским специалистом по русской интеллигенции этого выдающегося периода Марком Раевым в статье «Русская молодежь на заре романтизма: Андрей Тургенев и его кружок» (Russian Youth on the Eve of Romanticism: Andrei Turgenev and his Circle). Исполненные могучего желания служить своей стране и своему народу, пишет Раев, А. И. Тургенев и немногочисленная группа его друзей отвергали не только скучную чиновничью службу, которой требовало от них Российское государство, но и сухие, бесстрастные ценности рационального Просвещения, на принципах которого, по их мнению, строилась чиновничья служба. В поисках новых социальных идентичностей, новых способов внести вклад в современное им общество они образовали спаянный мужской дружбой кружок, для участников которого была характерна необычайная эмоциональная и интеллектуальная открытость, самозабвенная преданность и почти (но не совсем) плотская любовь друг к другу, проявлявшиеся в

повседневном общении, если не при личных встречах, то в переписке. Пытаясь разобраться в себе, подвергая себя самокритике и стремясь достигнуть внутреннего преобразования, они создали литературный кружок, собиравшийся почти еженедельно на протяжении примерно десяти месяцев, чтобы обсуждать интересующие их темы и произведения¹⁶. Несмотря на краткий период существования кружка, участие в нем оказало мощное влияние на его участников, которые многие годы продолжали общаться друг с другом и после его распада.

Раев усматривает в этом кружке воплощение ценностей романтизма, впитываемых российской интеллектуальной элитой того времени; он также наблюдает в нем возникновение нового духа, который будет составлять основу интеллигентской идентичности вплоть до 1917 года, а также считает, что корни этой идентичности берут свое начало в формировании этого кружка. Несомненно, такие ценности, как взаимная преданность, стремление разобраться в себе и достижение внутреннего преобразования, играли определяющую роль и в некоторых хрестоматийных кружках более позднего периода истории интеллигенции, в частности в кружке А. И. Герцена и его друга Н. П. Огарёва или в кружке

¹⁶ Этот кружок, который Раев характеризует как учебную группу, назывался «Дружеское литературное общество»; отметим, что выражение «литературный кружок» у русских мог иметь очень широкое значение. См. [Raeff 1994].

Н. В. Станкевича¹⁷. Однако после роспуска «Дружеского литературного общества» кружок как институт просуществовал более столетия, несмотря на немалые потрясения, пережитые в течение этого периода. Кроме того, ценности, исповедавшиеся в этих кружках, не были уникальны ни для указанного временно го периода, ни, конечно же, для русской интеллигенции. Для лучшего понимания исторического значения интеллигентского кружка полезно обратиться к культурной модели, заимствованной из сравнительного антропологического исследования Виктора Тёрнера, посвященного антиструктурной коммунитас.

По определению Тёрнера, данного им в книге «Ритуальный процесс. Структура и антиструктура», *коммунитас* — это широко распространенная форма человеческого общения, складывающаяся за пределами и в оппозиции традиционного общественного порядка, которая предлагает своим участникам временное убежище от «закона, обычая, условностей и церемониала» для самопреобразования и в конечном счете, возможно, для трансформации традиционного порядка, от которого она служит убежищем. Коммунитас представляет собой прямую противоположность институциональной структуре, иерархии и всем ее проявлениям в материальных свидетельствах богатства и общественного по-

¹⁷ Об активном культе дружбы в кружках Тургенева, Герцена-Огарёва и Станкевича см. «Человеческий документ и построение характера» Лидии Гинзбург [Ginzburg 1991: 27-106]. Одно из ключевых американских исследований, посвященных кружку Станкевича, провел Эдвард Дж. Браун [Brown 1966].

ложения, пестуя вместо этого дух умеренного эгалитаризма среди своих членов, которых связывают очень личные, спонтанные, непосредственные отношения, сложившиеся в процессе общего стремления к цели, скорее священной, чем прагматической. Тёрнер дает характеристику этих уз, опираясь на теорию «Я-Ты»-отношений Мартина Бубера; вместо сегментирования «по статусам и ролям» люди в коммунитас общаются друг с другом в «прямом, непосредственном и всеобщем взаимодействии человеческих личностей» [Тёрнер 1983: 201, 241].

С точки зрения традиционного общественного порядка, который и составляет ее контекст, и противостоит ей, коммунитас часто рассматривается как нечто магическое, иногда – как опасное, обладающее потенциалом нарушить или осквернить привычный уклад [там же: 208–209]. Роль коммунитас тесно связана с ролью юродивого, придворного шута, которые могут сказать правду в лицо, а также художника и пророка, которые открывают нам истины в высшей инстанции и смысл бытия [там же: 182–183, 242]. Тёрнер предлагает широкую концепцию этого социального явления. Согласно «Ритуальному процессу», проявление опыта коммунитас многообразно, от обрядов вступления в должность избранного вождя в проживающем в Замбии племени ндембу и милленаристских групп, живущих на социальной обочине, до первых монахов-францисканцев с их обетом бедности и

даже до коммун американских хиппи 1960-х годов¹⁸.

Несмотря на то что у Тёрнера нет особых упоминаний о русском литературном кружке как одном из возможных проявлений коммунитас, поражает то, до какой степени предложенная им модель позволяет объяснить некоторые аспекты феномена кружка. Литературный кружок русской интеллигенции XIX – начала XX веков – собственно, как и сама интеллигенция, никогда не соответствовавшая традиционному понятию сословия, иерархической категории в императорской России¹⁹, – процветал в периоды зыбкости обычного общественного порядка и государства, во многом препятствовавшего покушениям интеллигенции на деятельность в формально признанной сфере [там же: 196]. В этой лиминальной области, за пределами традиционных иерархических структур российского общества, идеальные кружки характеризовались прочными эмоциональными связями, могучим духом личного равенства их членов и всепоглощающим чувством того, что Тёрнер назвал «сакральным “аут-

¹⁸ Или, выражаясь словами самого Тёрнера, когда он обобщает некоторые из своих идей относительно коммунитас: «Теперь наступило время для тщательного рассмотрения гипотезы, пытающейся объяснить свойства таких по видимости различных явлений, как неофиты в лиминальной фазе ритуала, покоренные автохтоны, малые народы, придворные шуты, блаженные нищие, добрые самаритяне, миллениаристские движения, “бездельники дхармы” (dharma bums), матрилатеральность в патрилинейных системах, патрилатеральность в матрилинейных системах и монашеские ордены» [Тэрнер 1983: 196].

¹⁹ Об исключении интеллигенции из традиционной системы сословий см. [Freeze 1986].

сайдерством”» [там же: 188]. Таким образом, кружок обеспечивал социальную базу для своего рода идеалистического и антиматериалистического энтузиазма, лежавшего в основе интеллигентской склонности к интеллектуальной и особенно литературной жизни.

Духовную основу литературного кружка составляло уважение к интеллектуальной жизни, силе идей, красоте великих памятников культуры, и им придавалось гораздо большее значение, чем любому материальному или профессиональному достижению. Все это было призвано обеспечить участникам кружка возможность выполнения одной из центральных ролей в коммунитас: исследовать и критически оценивать ценности традиционной иерархической культуры, в которой они существовали, в идеале – с той точки зрения, которую Тёрнер называл «принадлежностью к человечеству» [там же: 188]. Как и в коммунитас, в интеллигентском кружке ритуальная театральность могла способствовать самопреобразованию его членов в процессе переживания множественных кризисов идентичности, связанных с попытками найти свое место в современном им мире, – и в качестве социальной группы, и для каждой личности по отдельности²⁰. Этой деятельности суждено было обрести особое зна-

²⁰ Тёрнер развивает свои взгляды на театральную ролевую игру как на элемент явления коммунитас в [Turner 1982: esp. 7-19]. Опираясь на свое исследование таких племенных ритуалов социальной трансформации и перехода, как введение в должность вождя у ндембу, а также на труд Арнольда ван Геннета [van Gennep 1960], впервые опубликованный в 1908 году под названием «Обряды пе-

чение в конце XIX – начале XX столетий, в том числе – в кружке Волошина. И в России, и за ее пределами все эти характеристики – хотя они никоим образом не проявлялись одинаково во всех кружках и в действительности во многих случаях оказывались не столько реальными, сколько отражающими чьи-то чаяния – превращали интеллигентские кружки и саму интеллигенцию в объекты внимания и восхищения.

Но, как утверждает Тёрнер, коммунитас скоротечна, зачастую в ней больше от мечты, чем от действительности. Она возникает из контекста структуры, из традиционной социальной системы, являющейся собственно причиной ее возникновения, и способна оказывать сопротивление настаивающему на своем влиянии структуре только в течение непродолжительного времени [там же: 47]²¹. Либо коммунитас быстро исчезает, а участвовавшие в ней возвращаются в традиционную систему – избранный вождь, пройдя лиминальные обряды трансформации, занимает положение властителя, милленарист возвращается к обычной жизни, а хиппи становится яппи, – либо сама коммунитас начинает меняться, вбирая в себя характеристики структуры, являющейся одновременно и ее контекстом, и ее противоположностью.

рехода» (Rites de Passage), он выделяет разнообразные перформативные опыты, реализуемые в так называемое драматическое время и включающие в себя экспериментальный театр, который основывается на фундаментальном принципе поиска самопреобразования посредством действия в условиях лиминальности.

²¹ См. также [Тэрнер 1983: 198].

Так обстояло дело и с интеллигентским кружком.

Признаки взаимовлияния сил антиструктуры и структуры проявлялись даже на заре существования феномена кружка. Например, корыстные связи и протекционизм, в данном социальном контексте бывшие антитезой интимным, идеалистическим отношениям, свойственным коммунитас, отчетливо проявились во многих кружках начала – середины XIX века, поскольку они стали способом восхождения по ступеням социальной лестницы и предоставляли возможность обзавестись ценными интеллектуальными и профессиональными связями в небольшом и территориально разделенном мире интеллигенции²². Тем самым традиционная культура общения могла оказывать подрывное воздействие на антиматериалистическую и эгалитарную культуру коммунитас. Однако существовали и другие способы вторжения структуры в коммунитас, необязательно столь враждебные ей. Например, презрительное отношение к торгашеству, присущее дворянской элите, на удивление хорошо сочеталось с антиматериалистическим настроением коммунитас и способствовало его укреплению, хотя и было традиционно связано с иерархией по рождению. Если человек сам по себе богат, как обстояло дело с большинством участников кружков первых десятилетий XIX века, то ему легче поддерживать не материальные, но духовные связи.

Со временем взаимодействие структуры и антиструктуры

²² См., например, о некоторых кружках, описанных в [Бродский 2001].

в литературном кружке усложнялось, и его необходимо воспринимать в контексте более общей истории русской интеллигенции как социальной группы. Во второй половине XIX века, после поражения России в Крымской войне, Великие реформы привели к существенным переменам в российском обществе и иерархии. В плане образования и интеллектуальной жизни наиболее важной из этих реформ стало открытие доступа к высшему образованию для студентов недворянского происхождения, ранее лишенных такой возможности Николаем I. Благодаря этому шагу ряды русской образованной элиты существенно пополнились. Дети служащих Церкви, евреев, крестьян и многих других получили доступ к системе высшего образования наряду с отпрысками высших слоев общества и возможность стать частью образованной элиты²³. У этих новых людей с их стремлением добиться успеха было много потребностей и желаний. Возможно, они больше всего нуждались в институтах профессиональной и интеллектуальной жизни. Ранее элита была столь малочисленна и находилась под столь пристальным контролем самодержавия, что в середине столетия подобных институтов было относительно мало. Однако теперь, когда число образованных людей стало постоянно увеличиваться, ученым потребовались лаборатории, музыкантам – консерватории, инженерам – профессиональные организации, художникам

²³ Более широко этот вопрос рассматривается в [Gleason 1980]. См. также [Лейкина-Свирская 1971].

– музеи, галереи и выставки, а писателям, все больше стремившимся сформировать русский национальный дискурс в условиях роста читательской аудитории, конечно же, требовались журналы, книгоиздательства и прочие коммерческие предприятия.

С точки зрения предложенной Тёрнером модели антиструктуры и структуры это время должно было способствовать постепенному исчезновению кружка как коммунитас, поскольку он уже сыграл свою трансформационную роль, а также реинтеграции представителей образованной элиты в традиционный уклад. И в известном смысле нечто подобное действительно произошло. В поисках профессиональных возможностей многие образованные люди начали обзаводиться личными связями, которые по своей сути были не идеалистическими, но прагматичными, сложившимися не непосредственно, но по расчету, не столько бескорыстными, сколько преследующими эгоистические интересы, – связями, которые во многом опирались на практиковавшуюся русской элитой давнюю традицию знакомств и патронажа. Подобные личные контакты часто приводили к возникновению небольших социальных групп, которые напоминали более ранние кружки-коммунитас, но на деле представляли собой нечто совсем другое: это были важные центры общения специалистов и интеллектуалов, главные узлы, как их называют в нетворкинге²⁴. Такие кружки были крайне важны

²⁴ В качестве превосходного введения в область нетворкинга см. [Wellman,

для идущего полным ходом процесса институционализации. Именно в них как в главных узлах нетворкинга впервые обсуждались институциональные потребности, строились планы и организовывались действия. Круги общения лежали в основе специальных учебных заведений, научных лабораторий, инженерных ассоциаций, изданий и издательств, а также многих других институтов образованного общества²⁵.

Учитывая его более традиционную, структурную функцию, кружок как узел нетворкинга быстро воспринял ряд более традиционных элементов присущей русской элите культуры связей и протекции, прежде всего элемент лидерства, что может рассматриваться как передний край вторжения структуры в антиструктуру²⁶. В прошлом у интеллигентских

Berkowitz 1988].

²⁵ Эта мысль, высказанная мной в статье [Walker 2004], основывается на значительном количестве основных и второстепенных источников. К ним, а также к последующим суждениям, касающимся менторства, развития институтов и кружков, относятся [Bailes 1990; Balzer 1996b; Gray 2000; Tchaikovsky 1905; Болховитинов 1953; Оксман 1958–1959].

²⁶ Тёрнер не останавливается достаточно подробно на теоретической проблеме лидерства в коммунитас, хотя на каком-то этапе и рассматривает отдельных лидеров коммунитас, проявивших себя в форме того, что он называет религиями смирения, в частности Будду, Ганди и Л. Н. Толстого, и доказывает, что они происходили из структурных верхов и, следовательно, часто отвергали свой статус, отказываясь от материального благосостояния [Тёрнер 1983: 258–260]. Тёрнер также пишет о важной роли старейшин, лекарей или жрецов в некоторых племенных ритуалах социальной трансформации, относящихся к прото-коммунитас. Он рассматривает подобные ритуалы как структурно связанные с феноменом коммунитас [Тёрнер 1983: гл. 1–3].

кружков были духовные лидеры – личности, которых превозносили и любили за то, что они вдохновенно воплощали в жизнь невыразимый дух коммунитас: такими личностями были Тургенев и Станкевич, за что после их смерти перед ними преклонялись их собратья по кружку. Однако теперь в развивающемся мире институционализирующих кружков требовалось кое-что еще – талантливые и энергичные люди, способные получать или оказывать организационную и материальную поддержку при создании новых институтов образования и профессиональной деятельности. И поэтому начал формироваться новый тип руководителя кружка, напоминающий скорее традиционную фигуру покровителя, чем духовного вождя коммунитас: им стал более практичный тип наставника этой новой образованной среды.

История русской образованной элиты середины – второй половины XIX века богата такими наставниками и создателями институтов, от братьев Рубинштейн, основателей Московской и Петербургской консерваторий, до, например, А. Г. Столетова и его физической лаборатории или А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского с их журналами, или купца С. И. Мамонтова, много сделавшего в своей усадьбе Абрамцево для поддержки изобразительного и театрального искусства. Чуть позже такие личности, как В. Я. Брюсов и М. Горький, проявили кипучую энергию, открывая желающим доступ к публикациям в журналах, книжных издательствах и т. д., а С. П. Дягилев предоставил России историческую воз-

возможность повлиять на европейское искусство благодаря своей роли организатора движения «Мир искусства», и это далеко не полный перечень. Эти организаторы открывали перспективы для невиданного прежде распространения образованной элиты и были крайне необходимы стремительно меняющейся России.

Многие из них, хотя и не все, лично спонсировали деятельность социально-профессиональных кружков, поскольку таковые были исключительно полезны для их целей. Ведь менторам нужно было не только учредить институты – они должны были собрать в них нужных людей. Круг общения оказался идеальной основой для поиска, организации и повышения культурного уровня кадров, которые требовались для осуществления их институциональных усилий. Многие менторы содействовали образованию таких кружков в своих домах, поощряя участие в интеллектуальных беседах, обмен идеями и дискуссии в интересах профессиональной деятельности и развития. Они также способствовали профессиональному общению членов кружка, предоставляя молодежи возможность знакомиться друг с другом, прикидывать, насколько они могут пригодиться друг другу при реализации планов на будущее, а также встречаться со старшими, более влиятельными фигурами в соответствующей области деятельности. И зачастую менторы поддерживали их как физически, так и эмоционально, иногда просто тем, что кормили своих гостей, оказывали им личную поддержку, дава-

ли советы по разным вопросам, от того, как должен вести себя профессионал, до того, как ему следует одеваться, и, как правило, помогали желающим продвинуться в профессии и приспособиться к новому образу жизни. Такие круги общения поражают тем, что они делали для самопреобразования своих более молодых членов ничуть не меньше, чем коммунитас в какой бы то ни было форме ее проявления. То, что кружок как узел нетворкинга обычно собирался в чьем-либо доме, зачастую – в доме ментора, возымело реальное влияние на его историю – а также на историю кружковой культуры и, если взять шире, русской интеллигенции, поскольку домашняя сфера обладала собственными традиционными структурами. Величайшее значение имела традиция патриархального уклада, в которой доминирующая мужская личность обладает формальной властью в доме; менее могущественная, но все же важная женская личность является источником множества иных благ, от еды и питья до эмоциональной поддержки; а условное «младшее поколение», зависимые лица, в известной степени обязано если не подчиняться патриарху, то уважать его, а также отдавать чуть меньшую дань уважения хозяйке. Традиционная сила, которой эти отношения обладали в домашней сфере, во многом способствовала укреплению авторитета фигуры ментора в процессе институционализации. Можно было бы предположить, что литературный кружок как коммунитас действительно находился в стадии отмирания, по крайней мере ес-

ли речь шла о профессиональных писателях, которые хотели получить реальную выгоду от круга своего общения, и что «структура» полностью возобладала. И все же дело обстояло иначе. К началу XX века многие литературные кружки действительно стремились создать формальные средства выпуска литературных произведений, такие как журналы и издательства, и управлять ими. Однако в среде реалистов и символистов, основных литературных группировок той эпохи, по-прежнему проглядывали черты коммунитас. Литературные кружки оставались средоточием интенсивных, близких отношений типа «Я-Ты», стремления к внутренней трансформации, своего рода бескорыстной преданности конкретно литературному или какому-либо иному делу. При этом одновременно четко прослеживалось влияние, оказывавшееся на эти литературные кружки традиционной организацией кружка как узла нетворкинга. Величайшее значение имели патриархатные структуры, поскольку они относились к домашней сфере, и менторство, поскольку оно вырастало на почве патриархата, ибо эти литературные кружки также собирались прежде всего в частных домах. Две кажущиеся противоположными культуры – структуры и антиструктуры – на самом деле были тесно взаимосвязаны, чуть ли не подпитывали друг друга в своеобразном культурном химическом взаимодействии, что оказало глубокое влияние на историю русской словесности.

Не совсем понятно, по каким именно причинам дух ком-

мунитас сохранялся с таким упорством. Вероятно, это было каким-то образом связано с природой самой литературы в той форме, в которой, по-видимому, она воспринималась многими русскими – требующей от своих читателей и писателей своеобразной открытости к самоанализу и самопреобразованию, которые переносили их в область, лежащую за пределами повседневной борьбы за выживание²⁷. Возможно, этому способствовало сохранение литераторами и многими другими представителями интеллигенции статуса «сакрального аутсайдера», поскольку в период поздней империи самодержавие продолжало демонстрировать свое нежелание делиться властью и твердо удерживало интеллигенцию вне традиционной системы каст, или сословий [Freeze 1986].

Могла существовать и еще одна причина: если верные духу коммунитас писатели периода поздней империи действительно были глубоко обеспокоены по поводу эксплуататорских и иерархических отношений, то беспокоившее их проявление эксплуатации относилось не столько к системе связей и протекции, сколько к капиталистическим рыночным отношениям. В какой-то степени это могло быть проявлением устойчивости духа неприятия торгашества, свойственного дворянской интеллигенции более раннего времени. К концу XIX века этот дух значительно укрепился из-за распространения разнообразных революционных движений

²⁷ Фундаментальный анализ значения литературы для российской образованной элиты содержится в [Brooks 1978: 99-105].

и взглядов, отражавших если не категорическое неприятие рыночных отношений, то неудовлетворенность ими. Антикапиталистический настрой многих русских интеллигентов основывался на глубоких культурных установках, а также на соображениях политического характера²⁸. Писателей беспокоила не столько возможность иерархических, своекорыстных отношений между ними, сколько возможность эксплуатации в рыночных условиях самой литературы, а также тех, кто ее читает.

Эта тревога со всей очевидностью выразилась в мощном сопротивлении созданию литературных произведений не из глубокой внутренней потребности, но с целью извлечения материальной выгоды. Многие выступали против создания литературных произведений ради материальной выгоды: «Зачем деньги, дурацкая литературная известность? Лучше с убеждением и увлечением писать хорошую и полезную вещь», – считал дворянский романист Толстой²⁹. «Нужно, чтобы литература не служила куском насущного хлеба. Пусть человек добывает его другим путем», – полагал Н. В.

²⁸ Анализ того, что Катерина Кларк называет «романтическим антикапитализмом», приводится в [Clark 1995: 16–23]. Дискомфорт, испытываемый образованной элитой (или потенциальной элитой), рассматривается, в частности, в [Manchester 1998; Bailes 1996]. У этого явления существовал более широкий европейский контекст; об антикапиталистическом настрое среди интеллигенции в других странах см. [Wiener 1981].

²⁹ Приводится в [Эйхенбаум 1922: 85]. Содержится в [Рейтблат 1988: 135].

Шелгунов [Шелгунов 1862:238]³⁰. Писатель-реалист Горький отзывался о собратях по перу, разбогатевших за счет потворства вкусам публики, как о «спекулянтах на популярность», «авантюристах», «кои смотрят на писательство как на отхожий промысел» [Телешов 1955: 189]. Автор анонимной публикации жаловался на практику торговли одним специфическим жанром литературного выражения, а именно мемуарами, с целью получения финансовой прибыли: «...теперь записки – денежная спекуляция»³¹. В XIX – начале XX веков те, кто не проявлял бескорыстного стремления просвещать читателей, но публиковал свои сочинения, преследуя материальную выгоду, подвергались осуждению, порой громкому³².

На фоне видимого противостояния бескорыстия, с одной стороны, и корыстной эксплуатации в духе капиталистического рынка – с другой, традиционные структуры власти, выраженные в знакомствах и протекционизме, во многих

³⁰ Цит. по: [Рейтблат 1988: 135].

³¹ Без автора. Библиотека для чтения. СПб.: Л. Ф. Смирдин, 1835. Т. 8. Отд. V. С. 1–3. Приводится в [Тартаковский 1991:14]. По мнению А. Г. Тартаковского, автором был О. И. Сенковский. – *Прим, перев.*

³² Я ни в коем случае не отрицаю существование рыночных отношений в литературе; безусловно, беспокойство по поводу этих отношений и враждебность к ним указывают на опасность, которую они представляли, в особенности для тех, кто был связан с созданием элитарной литературы. О капиталистическом рынке преимущественно массовой литературы см. [Brooks 1985; Holmgren 1998]. О жанре мелодрамы в связи с этой проблемой см. [McReynolds, Neuburger 2002: 1-24].

смыслах могли казаться относительно совместимыми с «Я-Ты»-связями, присущими коммунитас. В частности, личные связи, имеющие в России длительную историю взаимности, а не иерархической эксплуатации, могли казаться менее конкурентными, более интимными, более близкими к тем идеалистическим взаимоотношениям, которые можно было бы описать как узы коммунитас. Эта гибридная социальная форма несла в себе определенный эмоциональный и культурный смысл. Более того, создавалось впечатление, что она работает: в среде литературной интеллигенции такие кружки играли определяющую роль в процессе институционализации.

Проблема литературных кружков и попытки решить ее за счет лидерства

Литературные кружки были поистине жизненно необходимы для институционализации литературы, но они необязательно хорошо исполняли свою роль. Многие из них были хрупкими с точки зрения структуры, имели тенденцию к внутреннему разладу, фракционности и распаду, что делало их сомнительной основой для институтов профессионального развития. Если литературный кружок распадался, что не было редкостью, то вместе с ним мог рухнуть весь проект, что шло во вред литературному сообществу и его стремлению внести свой вклад в национальный дискурс. Одну из причин такой хрупкости можно было бы отыскать именно в гибридной природе его социальной структуры³³. Глубокие, всеохватные узы «Я-Ты», присущие коммунитас, необязательно оказывались совместимы с более прагматичными узами личных связей и протекционизма, а попытки их объединения не всегда заканчивались успехом. Некоторые интеллектуалы середины – второй половины XIX века начали задумываться о хрупкости кружка, концентрируясь на проблеме

³³ Как пишет Тёрнер: «Имманентные противоречия между спонтанной коммунитас и явно структурированной системой столь велики... что любая попытка совмещения этих модальностей будет постоянно нести угрозу разрушения структуры или удушения коммунитас» [Turner 1982: 49–50].

ме более или менее эффективных кружковых отношений и в процессе своих размышлений в неявной форме предлагая и развивая идею необходимости успешного руководства кружком, которую многие рассматривали как возможное решение проблемы его нестабильности.

Развернувшаяся по этому поводу дискуссия велась или, по крайней мере, получила отражение в традиции интеллигентских мемуаров, жанр которых можно определить как «записки современников», поскольку такие воспоминания часто именовались «записками современника о том-то и том-то» или рассказывали о «том-то и том-то в воспоминаниях современников»³⁴. Зачастую представлявшие собой ностальгические воспоминания о кружках прошлого, «записки современников» предоставляли возможность поразмышлять о сильных и слабых сторонах кружковой структуры. Одним из авторов, обратившихся в своих воспоминаниях к вопросу о кружках и проявивших глубокое понимание их проблем, был русский летописец кружков 1840-х годов П. В. Анненков. В его записках «Замечательное десятилетие» предлагается вдумчивый анализ возможностей, которыми обладает интеллигентский кружок, чтобы достигнуть своих программных целей, особенно в плане личных связей его участников, прежде всего связей, устанавливаемых ли-

³⁴ Этот жанр интеллигентских мемуаров подробно рассматривается в [Walker 2000]. Дальнейшее изложение в значительной степени представляет собой обобщенный пересказ содержания этой статьи, включая некоторые вошедшие в нее цитаты из таких воспоминаний.

дером группы со своими последователями [Анненков 1983]. Более всего Анненкова интересовали либеральные, западнические кружки 1840-х годов, а в качестве фигуры лидера он рассматривал В. Г. Белинского. Белинский пользовался значительным авторитетом среди современных ему представителей литературной интеллигенции, заложивших основы утилитарного движения в русской литературе. Являясь лидером скорее духовным, чем институциональным, он был приверженцем абсолютной честности в отношениях, пусть даже в ущерб дружбе и гармонии в кружке и его эффективности, — разумеется, институциональной. В известном смысле в этом заключалась притягательность Белинского для прочих членов его кружка:

Кто не знает, что моральная подкладка всех мыслей и сочинений Белинского была именно той силой, которая собирала вокруг него пламенных друзей и поклонников. Его фанатическое, так сказать, искание правды и истины в жизни не покидало его и тогда, когда он на время уходил в сторону от них [там же: 179].

Впрочем, это искание могло привести его и к полному разрыву отношений с друзьями. Если он не мог установить полностью отвечающую его принципам, «конкретную и тотальную» (выражаясь словами Тёрнера, описывающими личные связи в коммунитас) форму общения с ними, которая не нарушала бы целостности его собственных духовных ис-

каний, то полностью отказывался от общения³⁵.

Анненков проанализировал влияние такой чистоты содружества на политику кружка. По его мнению, одержимость Белинского чистотой, бескомпромиссностью содружества должна была иметь большое влияние на срок существования кружка. «Белинский... так много способствовал... к разложению круга [западников] на его составные части, к разграничению и определению партий, из него выделившихся», — писал Анненков, выражая определенное восхищение той идейной последовательностью, которая привела к началу и углублению раскола соратников на группы [там же: 123]. Однако, размышляя о последствиях такого подхода для друзей, приверженцев и сторонников Белинского как людей, участвовавших в общем деле, Анненков поставил его под сомнение. Сравнивая кружок Белинского с его идеологическим противником, кружком славянофилов, он сопоставил преимущества абсолютной принципиальности в отношениях между славянофилами с ущербом, который она наносила:

[Поначалу] славянская партия... принялась... за чистку домашнего белья и за сведение счетов между собой, но тотчас же и отказалась от этой попытки, находя, вероятно, что малочисленность ее семьи требует крайней осторожности и снисходительности в обращении членов между собой. Только на условии

³⁵ О «гегельянском годе» Белинского, в течение которого он разошелся с друзьями в вопросах философии, см. [Berlin 1978: 166–171].

взаимной поддержки партия и могла сохранить свою целостность и сберечь весь свой персонал, нужный для борьбы [там же: 278].

Однако Белинского это не заботило. «Все соображения и расчеты подобного рода никогда не помещались в голове Белинского и никогда не могли остановить его» [там же: 278]³⁶. Согласно Анненкову, именно поэтому поддерживать гармонию в отношениях участников западнического кружка Белинского было сложнее, чем среди славянофилов.

Это повествование ставило перед дилеммой: то самое качество, которое привлекало людей к Белинскому – его нравственный и духовный авторитет, – ставило под угрозу потенциальные программные и институциональные цели кружка. И все же значение духовного лидерства в сплочении людей не требовало доказательств. Действительно ли была необходимость отказаться от этого? Разве нельзя было каким-то образом обуздать его? Каким мог бы быть наиболее эффективный баланс между духовным и прагматическим лидерством? Существовали ли другие лидерские навыки, которые могли бы способствовать согласию или смягчать трения, присущие этой общественной структуре? Анненков не ответил на эти вопросы; он просто обозначил проблему. Впрочем, проблема способа достижения единства и успешного функционирования кружка за счет приемлемых отношений внут-

³⁶ Отметим использование метафоры семьи в этом отрывке; она часто используется в рассуждениях о кружках данного периода.

ри кружка и лидерства продолжала занимать авторов воспоминаний, и со временем некоторые из них начали предлагать варианты ответа, достаточно приемлемого для кружковой культуры.

Первые попытки дать такой ответ были предприняты в воспоминаниях середины XIX века, посвященных мятежным дворянским кружкам декабристов, гла вы которых (настоящие сакральные аутсайдеры) инициировали в 1825 году государственный переворот, направленный против самодержавия. Несмотря на то что этот заговор провалился с организационной точки зрения, авторы воспоминаний в своих восторженных, чуть ли не гиперболизированных отзывах о декабристах стремились представить их кружки в качестве примеров и моделей успешных общественных отношений и лидерства. Они намекали на то, что одно из важных лидерских качеств заключается в умении быть сопричастным к индивидуальным чувствам и убеждениям последователей – в обаянии, как его иногда называют, простом, но полезном навыке управления общественными отношениями. Один из мемуаристов писал о декабристе Рылееве:

Я не знал другого человека, который обладал бы такой притягательной силой, как Рылеев. Среднего роста, хорошо сложенный, с умным, серьезным лицом, он с первого взгляда вселял в вас как бы предчувствие того обаяния, которому вы неизбежно должны были

подчиниться при более близком знакомстве³⁷

³⁷ Из воспоминаний профессора А. В. Никитенко о К. Ф. Рылееве; [Федоров 1988: 87]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.